

Алгоритм и свобода: к вопросу о судьбах гуманитарной культуры

© 2019 г. Е.В. Золотухина-Аболина

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, 344006,
ул. Большая Садовая, д. 105/42.*

E-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Поступила 28.12.2019

В статье рассматривается проблема сциентизации философских и гуманитарных текстов, которая, по мнению автора, искажает сам смысл гуманитарной культуры как выражения человеческой субъективности и свободы. Автор полагает, что псевдонаучные формы изложения навязываются философии и другим гуманитарным исследованиям, с одной стороны, информационно-алгоритмическим способом передачи и сохранения современного знания, с другой — бюрократизацией сферы теории. Необходимость давать краткий пересказ основных идей в резюме, требование обширного цитирования и большого количества ссылок по образцу текстов естествознания, вменение философскому тексту доказательности в духе физических или технических исследований — все это рассматривается как нарушение специфики существования и развития гуманитарной мысли. Автор уверен, что философия и другие гуманитарные дисциплины не могут и не должны соответствовать этим требованиям, которые во многом являются результатом рыночных отношений, ориентированных на продажу текста. Философия — не наука по типу физики. Она, как и вся сфера гуманитарного знания, является выражением человеческой субъективности и такого качества как свобода. В ней речь ведется о предметах, которые не сводимы к эмпирическому миру: она строит метафизические концепции и обращается к глубинам человеческой души. Поэтому высказываемые ею суждения и мнения не могут быть проверены как знания, производимые наукой. Недоказуемость и принципиальная противоречивость — фундаментальные свойства философии и гуманитарных штудий, которые она часто пронизывает. Философия — выражение личностного начала, она всегда глубоко индивидуальна, в основе философствования лежит миф, который не формализуем, поэтому одна из наиболее адекватных форм философии — эссеистика.

Ключевые слова: гуманитарная мысль, философия, философствование, сциентизация, бюрократия, свобода, миф, эссеистика.

DOI: 10.31857/S004287440006316-2

Цитирование: Золотухина-Аболина Е.В. Алгоритм и свобода: к вопросу о судьбах гуманитарной культуры // Вопросы философии. 2019. № 9. С.32–39.

Algorithm and Freedom: to a Question of the Fate of Humanitarian Culture

© 2019 г. Elena V. Zolotuhina-Abolina

Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation.

E-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Received 28.12.2019

In article the problem of “a scientism” of philosophical and humanitarian texts which, according to the author, distorts sense of humanitarian culture as expressions of human subjectivity and freedom is considered. The author believes that pseudoscientific forms of presentation are imposed to philosophy and other humanitarian researches, on the one hand, in the information and algorithmic way of transfer and maintaining modern knowledge, with another – bureaucratization of the sphere of the theory. Need to give short retelling of the main ideas in the summary, the requirement of extensive citing and a large number of references on a sample of texts of natural sciences, imputation to the philosophical text of substantiality in the spirit of physical or technical researches – all this is considered as violation of specifics of existence and development of a humanitarian thought. The author is sure that the philosophy and other humanitarian disciplines cannot and should not conform to these requirements which in many respects are result of the market relations focused on sale of the text. Philosophy – not science as physics. It, as well as all sphere of humanitarian knowledge, is expression of human subjectivity and such quality as freedom. In it it is talked about objects which are not reduced to the empirical world: she builds metaphysical concepts and addresses depths of a human soul. Therefore the judgments stated by it and opinions cannot be checked as knowledge made by science. Unprovability and basic discrepancy – fundamental properties of philosophy and humanitarian studies which it often penetrates. The philosophy – expression of the personal beginning, it is always deeply individual, the myth which we do not formalize therefore one of the most adequate forms of philosophy – an essayistics is the cornerstone of philosophizing.

Key words: humanitarian thought, philosophy, philosophizing, scientizm, bureaucracy, freedom, myth, essayistics.

DOI: 10.31857/S004287440006316-2

Citation: *Zolotuhina-Abolina E. V. ‘Algorithm and Freedom: to a Question of the Fate of Humanitarian Culture’ // Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 9. P. 32–39.*

Тема статьи, предлагаемой вниманию читателей, – это испытание, которое предлагает гуманитарной культуре и свободе человеческого мышления эпоха информатизации и бюрократизации, охватившая практически всю планету. Индивидуализированное, обладающее собственным лицом творчество все более вытесняется, культурно-утонченное, но спонтанное выражение субъективности рассматривается как нечто третьесортное, не вписывающееся в формалистические требования, в прокрустово ложе стереотипов. Возможно ли в силу властных исторических причин отказаться от вольного и живого философского размышления? И нужно ли это делать? Эти вопросы я и хочу рассмотреть, неизбежно подчиняясь тем требованиям, которые и подвергну критике и сомнению.

«Сциентизация» духовной жизни как проблема

Хотя разговор о различии естественных и социально-гуманитарных наук начался еще в конце XIX — начале XX вв. [Дильтей 2000], а герменевтика после Второй мировой войны активно продолжила этот сюжет [Гадамер 1988], это, по сути дела, ничего не изменило на интеллектуальном поле, также как все советские дискуссии «физиков и лириков» не прибавили почтения лирикам, поскольку информационно-технический прогресс все более отодвигал в сторону гуманитарную мысль. Приход эры компьютеров и Интернета, рост бюрократической формализации и перевод любых знаний и сведений «в цифру» усилил стремление мировой интеллектуальной элиты построить гуманитарное знание *по образцу естественнонаучного*, навязать философским раздумьям о человеке жестко наукообразную форму, вымарать из философско-исторического и экзистенциального текста все субъективное как «необоснованное» и «непроверенное». В настоящее время доминирует как раз эта редукционистская тенденция: придавать публикуемым гуманитарным текстам облик «строгонаучных», эмпирически проверяемых и доказательных, построенных на чужих цитатах, как будто собственные мысли можно выцедить из чужих цитат. В «топовых» журналах нередко поощряется также коллективное авторство, которое всерьез возможно только при работе естественнонаучной или инженерной лаборатории, в то время как в случае гуманитарной мысли автор и соавтор нередко соотносятся «как пение и сопение». Пафосная сциентизация оборачивается псевдосциентизацией, поскольку форма и содержание не соответствуют друг другу.

Интересно, что этот процесс сознательной имитации и подстраивания размышлений о человеке и культуре под чужой псевдонаучный шаблон происходит на фоне откровенной дерационализации массовой культуры, упрощения ее речи. Чем более буйствует безумие и иррациональность (правда, тоже довольно штампованные) в литературе, в Интернете, на телевидении, чем больше здесь фарса, жаргона, кича и примитивной мифологии, тем более «высокобровые» и суровые требования выдвигаются к гуманитарным статьям, которые должны как бы отказаться от собственной специфики, изменить собственному духу свободной речи и запеть чужим голосом. Оказываясь в неестественной форме, философские тексты отрываются от реальной жизни и культуры, с которыми могли бы вступить в продуктивный диалог. Жизнь и гуманитарное знание начинают говорить на разных языках, причем для гуманитарного знания это язык искусственный и неадекватный.

Разумеется, речь идет не о том, чтобы подменить философскую или историко-культурную мысль пустым словесным гулом, но о развитии *собственно-гуманитарного способа речи*, примеры которого мы в изобилии находим и в XIX, и в XX вв. у современных западных авторов, например французских, у того же Бодрийера или Алена Бадью, среди немцев — у Э. Фромма, в США — у А. Маслоу, которые не чураются ни эссеистики, ни публицистики, но при этом остаются серьезными исследователями и уважаемыми учеными.

Рассмотрим некоторые моменты, которые, будучи извне навязаны современной философской мысли, приводят к ее неизбежному искажению.

Необходимость краткого резюме

В сущности, если мысль в тексте есть, то не так уж сложно сделать краткое ее резюме. Другой вопрос, что от развития мысли, от ее развертывания, несущего множество важных нюансов, в этом случае не остается и следа. «Голый результат» как бы исчерпывает то, что сделано автором, уничтожая потребность в чтении самого текста, сводя содержание к скупой тезисности. Это похоже на чтение дайджеста вместо романа или поэмы, ибо философское произведение сродни поэме или роману. Теряется сама суть философского чтения, да и чтения текста исторического или литературоведческого. На самом деле можно удовлетвориться изложением одного лишь результата, если это результат ста экспериментов, которые вовсе не обязательно пересказывать, но движение гуманитарной мысли всякий раз неповторимо, оно требует отслеживания хода рассуждений, аргументации, эмоций, вызывает к пониманию формирования авторской

позиции. В этом весь вкус гуманитарного чтения как вида времяпровождения и духовного развития.

Если бы еще речь шла о том, какую проблему поднимает автор, то смысл резюме можно было бы понять, но требование изложения «готового результата» нивелирует саму потребность в знакомстве с текстом. Понятно, что требование это идет от чисто коммерческой составной современной интеллектуальной культуры: статью следует продать, поэтому надо скороговоркой сообщить ее содержание. Не знаю, много ли философских статей действительно продается в розницу в нашей стране, но обесмысливание чтения наблюдается повсеместное. А западный читатель все равно не станет читать по-русски, напишем мы это резюме или не напишем, просто в силу давней установки, что «в России философии нет».

Требование большого количества ссылок и цитат

Журналы требуют от гуманитарного текста десять ссылок. Почему не сто? Почему не двести? Потребовать двести также разумно, как потребовать десять. Так и вспоминается известная шутка некогда популярного юмориста Феликса Кривина: «... они мыслили точно так, как Сократ. А цикуту им заменяла цитата» [Кривин 1967, 157].

Гуманитарный текст нуждается в ссылках и цитировании ровно настолько, насколько они там нужны. И в прошлом и в позапрошлом веках мы встречаем массу гуманитарных работ, философских трактатов, порой объемных, которые вообще ни на кого не ссылаются или ссылаются мало и редко, чаще давая мысль, нежели цитату. Почитайте С. Л. Франка, того же Сартра. Ну да, иногда на что-то есть нужда сослаться, иногда, но не более. Разве до этих авторов не было других мыслителей? Были, конечно, причем в изобилии. Но никто не требовал школярски цитировать чужие тексты, казуистически воспроизводить чужую мысль слово в слово со всеми выходными данными и издательско-типографскими подробностями, которые не нужны были бы даже самим цитируемым авторам. Ибо главной считалась не чужая цитата, а собственная авторская идея, уникальная интерпретация, развитие сюжета. Теперь же каждого автора проверяют как на школьном экзамене: а читал ли ты, автор, кого-нибудь? А вдруг ты в наш век информации никого не читал? Ну-ка докажи, что ты не сам все придумал.

Только вдумайтесь, от философа-гуманитария требуют, чтобы он заведомо писал не свое, не мог бы нового слова молвить, не сославшись на десять авторитетов! Нет, конечно, ясно, что если это историк философии, то он должен цитировать, подтверждать, что он не подменяет мысль исследуемого мыслителя своей собственной. А если это не историк философии, а просто философ, существо думающее и образованное? И думает он о современности или думает он о субъективных состояниях, о которых другие не удосужились написать. На кого ему сослаться? И главное — зачем?

В сущности, затем, что этого требует бюрократия, которая не знает, как оценить качество текста, если не посчитать цитаты. Это сциентистско-бюрократический стиль: «Ввести количественные параметры», с умным видом пощелкать на калькуляторе и, таким образом, как будто все проконтролировать. Это похоже на то, как по всем улицам ставят камеры для слежки за публикой, не думая о том, что публику надо было бы морально просвещать и воспитывать, тогда она не станет драться и воровать. Но камеры поставить проще, не думая о том, что как только они сломаются, народ пойдет во все тяжкие. Цитаты посчитать тоже проще, хотя имитировать весь этот ссылочный аппарат не стоит труда.

Требование строгой доказательности

Увы, в наше время Ф. Ницше был бы не у дел, также как, к примеру, Монтень, а тем более Розанов. Действительно, что за научность в высказывании «Если дрессировать свою совесть, то и кусая, она будет целовать нас» [Ницше 1992, 295]? Или «*Боль жизни* гораздо могущественнее *интереса к жизни*. Вот отчего религия всегда будет одолевать *философию*» [Розанов 1990, 29]?

Сегодня философ не может позволять себе подобные эмоциональные вольности, не обоснованные компендиумом выкладок, статистикой, ну, хотя бы стопкой чужих

трактатов на ту же тему. И от себя говорить нельзя, и даже, к примеру, в Германии, от «мы». Кто вообще такие эти «мы»? Если ты хочешь публиковаться, то позиционируй себя безличным, скрупулезно доказывай свои положения, приводи эмпирические примеры, научно аргументируй...

А как же научно аргументировать, если философия — не наука? Другая она форма теоретического, концептуального знания и мироотношения, не похожая на физику. Предмет у нее другой, в котором замешана такая загадочная «субстанция», как душа или, говоря другим языком, субъективность. А субъективность не может быть чисто эмпирически протестирована, разложена на фрагменты и элементы и математически наперед вычислена, потому что обладает таким неудобным свойством, как *свобода*. Это хорошо видно на примерах из области психологических исследований, которые нередко ничего не доказывают, а все результаты «опытов», необходимые для диссертации по психологии, оказываются просто не слишком достоверной формальной припиской к рассуждениям вполне философским и в этом отношении они — материал достаточно сомнительный.

Все любят высказывание Л. Витгенштейна, ставшее крылатым: «О чем невозможно говорить, о том надо молчать». Возможно. Но ведь никто не молчит и никогда не молчал с тех пор, как философия возникла. Философия повествует, порой страстно и драматично, о том, что не вписывается в эмпирический мир с его возможностью все «посчитать, измерить, взвесить». Она дает версии реальности, интуитивно схваченные или полученные в мистическом опыте, метафорически сообщает о событиях внутреннего мира, о состояниях и настроениях, которые не могут быть объективно представлены. Она обращается к осмыслению прошлого, черты которого размыты интерпретациями, и заглядывает в социокультурное будущее, которое по определению не предсказуемо.

Кроме того, философия и гуманитарное знание, пронизанное философствованием, дает не просто версии мира, но версии, крайне противоположные друг другу. И это заблуждение, что, мол, метафизика приказала долго жить и «метанарративы» безвозвратно ушли в прошлое. Они, как птица Феникс, все время возрождаются из пепла, и умерший Бог постоянно оживает, потому что философско-метафизическая мысль — это ответ на глубочайшие нужды человеческого ума. «Материализм» и «идеализм», скептицизм и учение о множестве миров, эмпиризм и рационализм — не дети отдельных исторических периодов; это фундаментальные линии мышления, которые постоянно претерпевают собственную «реинкарнацию» в разные эпохи и под разными именами. И они всегда схлестываются друг с другом, как радикальные крайности, всегда в полемике и в бою, каждая настаивает на собственной истинности и справедливости, и каждая — не проверяема и не доказуема в рамках чисто осязаемой, земной, количественно измеримой реальности. Они — «сверх внешнего опыта». Об этом И. Кант. Об этом К. Ясперс в его концепции «философской веры» [Ясперс 1991] и П. Тиллих с концепцией «предельного интереса» [Тиллих 1995]. Что тут можно «доказать»? Можно только предлагать интуитивно почувствовать, принять или не принять, согласиться или не согласиться.

Может быть, дело в том, что гуманитарное знание нужно все же проводить по «своему ведомству», в котором свои критерии, отличные от критериев как эмпирического исследования, так и математизированной теории? «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань» (А. Пушкин). А может быть, российской философии не нужно бежать, «задрать штаны» (С. Есенин) за западными образцами, которые далеко не всегда являются адекватными сути дела и руководствуются своими собственными, нередко рыночными и бюрократическими критериями, при которых никого не волнует содержание, зато всех очень интересуют продажи, рейтинги и прочая цифирь.

Сознание свободное, сознание разговорное

Сциентизация требований к гуманитарному мышлению хороша ровно до тех пор, пока она ограничивается требованием точности, логичности и последовательности, которые улучшают понимание, но она не выходит за эти рамки в своем посягательстве

на гуманитарную разговорность и эмоциональную ангажированность. Философия диалога XX в., развиваемая разными авторами от М. Бубера до М.М. Бахтина, свидетельствует о разговорном, вопросно-ответном, вольном характере сознания, которое способно вопрошать и недоумевать, изумляться и ужасаться, говорить порой без слов, останавливаться и замирать, совершать повторы, осуществлять интуитивные прорывы — жить полноценно и многообразно, проявлять себя самопроизвольно. Гуманитарное размышление — это мысль в живом действии, актуальная работа сознания как процесс одновременно свободный и необходимый, то есть спонтанный. Разумеется, это не исключает причастности философствования к определенному речевому и письменному жанру, но такой жанр — скорее интуитивный выбор автора, сообразно его характеру и темпераменту. Попытка ограничить гуманитарную мысль формальными рамками, связать сетями ссылок и подтверждений — это стремление ее остановить.

Гуманитарная мысль, если хотите, имеет право на «болтовню», но не в дурном смысле, который имеет в виду М. Хайдеггер, не в смысле пустопорожней мельницы, а в смысле вольного говорения при обсуждении проблем. Как показал в XX в. психоанализ, в «болтовне», происходящей между пациентом и аналитиком, проговариваются многие важные моменты и раскрываются корни проблем, всплывает материал бессознательного, раскрывается то, что никогда не раскрылось бы при ясном, строго контролирующей себя сознании. В этом смысле любая алгоритмизация гуманитаристике и философии противопоказаны. Сознание свободно не только потому, что, согласно Сартру, оно все время выбирает, и порой непредсказуемо, но и потому, что сама мысль приходит внезапно, обладая свойством «контингентности», образно говоря, хочет — приходит, не хочет — нет, а происходит это опять же в покоем на вольную беседу потоке мысли, которой не прописан каждый следующий шаг, поэтому она и способна далеко залетать: как внутрь души, так и за пределы эмпирического мира. Философ нередко мыслит, как и художник, не «из книг», а из своего жизненного опыта, из собственного настроения, из особенностей мировосприятия и ярких впечатлений, из диалогов, споров и дебатов, состоявшихся у него с другими людьми.

Неповторимое лицо философских текстов

Гуманитарная мысль и, в особенности, философия, — это всегда неповторимое лицо автора. Это выражение не «субъекта» или «субъективности» вообще, какой-то абстрактной и безличной субстанции, вещающей «гласом Божиим» или «гласом Разума», а всегда голос конкретного человека, даже если он размышляет о предметах самых отвлеченных, о гносеологии, логике, законах мироздания. Все эти сугубо умственные и всеобщие сущности, не данные нам в непосредственном чувственном опыте, преломляются через разум, волю, характер и ценностные предпочтения именно этого человека, какого-нибудь Ивана Ивановича, с его взглядом на мир. Поэтому гуманитарная мысль и философия, при всех их порывах к «объективности и необходимости», в огромной степени зависят от личной биографии мыслителя, его индивидуальных поисков и заблуждений, его самообманов и душевных ран.

Биографический метод — важнейший для понимания как метафизических построений, так и экзистенциальных штудий; порой самые «как бы научные» суждения автора продиктованы его скрытыми установками и эмоциональными предпочтениями, потому что, философствуя, он не отрывается от мира, людей и идеалов, а напротив, в огромной степени во все это вовлечен. «Вовлеченность», о которой пишет Э. Мунье [Мунье 1999], это как раз та самая захваченность и актуальностью социокультурного процесса, и собственной жизнью, ее рефлексивным переживанием. Подлинный философский текст — всегда поступок, и под ним стоит авторская подпись, это в самом высоком смысле слова «участное мышление», как говорил о том М. Бахтин [Бахтин 1994]. Именно поэтому мертвые «алгоритмы» наукообразия лишь нивелируют самобытность философского текста, стирают авторское лицо, делают «всех кошек серыми».

Говоря об индивидуальном облике философского текста, неповторимого стилистически и композиционно, я не имею в виду необходимость неперменного изобретения

собственного языка, чем немало грешили философы XX в. Изобретение собственного языка, который выламывается из любой традиции и значительно отличается от обычной литературной речи, порой похоже на аутический опыт, на озвученную автокоммуникацию. Тексты М. Хайдеггера, например, интересно дешифровать и толковать, но использовать его язык в дальнейшем философствовании весьма трудно. Из такого рода текстов очень сложно бывает добыть мысль, а читатель имеет право знать именно мысль, для чего ему необходимо пробраться через преграду самозамкнутого языка. Впрочем, тот же поздний Хайдеггер достаточно внятен, поэтичен, склонен к эссеизму, что говорит о возможности вполне выразить себя без избыточного изобретательства.

Философский текст неформален по определению, потому, что он — интеллектуальное оформление эмпирически непроверяемого мифа. Это миф о мире (метафизика), о познании, об истории, миф собственной жизни. И поскольку здесь присутствует мифологическая основа, никогда не возможна полная рационализация, формализация и верификация. Там, где начинается безраздельное доминирование материала наук, формул и математических выкладок, статистики и эмпирического материала, философствование кончается. Потому что оно — всегда взлет над эмпирией и количеством, всегда придание смысла и усмотрение смысла. Можно по-разному относиться к концептуальным позициям А. Дугина [Дугин 2010], но его идеи о фундаментальных мифах, лежащих в основе философии разных типов, весьма продуктивны. Кроме того, как я уже отмечала, каждый философ еще и латентно, через построение своей теории пишет миф собственной жизни, как хорошо сказал об этом Я.Э. Голосовкер [Голосовкер 2010].

Гуманитарное и особенно философское исследование обращено к синкрезису жизни, к динамичному взаимодействию субъективного и объективного, к подвижному континуальному потоку их переходов друг в друга, который как таковой тоже не формализуем. Можно, конечно, огрубить, упростить, редуцировать и предмет, и автора текста, представить их в статике, формально и количественно. Можно дать изучаемым процессам исчерпывающие определения, а автора пригвоздить к месту каким-нибудь рейтингом, который на два балла меньше, чем в прошлом году и потребовать «добрать два балла». Но это не поможет ни достичь истины, ни выразить уникальную природу гуманитарно-философского мифа, ни помочь философскому поиску того мировоззрения, которое позволило бы нашим современникам справляться с жизнью, становящейся изо дня в день все более неопределенной и проблемной.

Поэтому один из важнейших философских жанров — это эссеистика, авторская речь от первого лица, нынче практически изгнанная из философских журналов, желающих строиться под сциентизированный западный тренд. Это не единственный философский жанр, но очень значимый, прямо выражающий суть философствования и гуманитарной культуры, жанр, занимающий свое законное и прочное место среди статей и трактатов, диссертаций и монографий. Трудно не согласиться с М. Эпштейном, когда он пишет: «Задача, поставленная перед философией поздним Гуссерлем, — описать «первоначальные очевидности», вернуться к «жизненному миру», который «...есть не что иное, как мир простого мнения (doxa), к которому по традиции стали относиться так презрительно», эта задача предполагает последовательную эссеизацию философского метода. Мысль феноменолога, как и мысль эссеиста, всегда вписана в горизонт его бытия, не может и не должна перешагнуть его, удалиться в объективно-логический, абстрактный мир идеальностей» [Эпштейн 1988, 372].

Хочется верить, что, по крайней мере, в России свободное философствование не умрет.

Источники — Primary Sources and Translation in Russian

Гадамер 1988 — Гадамер Х.-Г. Истина и метод М.: Прогресс. 1988 [Gadamer (1988) The Truth and the Method. (Russian Translation)].

Дильтей 2000 — Дильтей В. Введение в науки о духе т. 1. 1883, 1906.// Дильтей В. Собр. Соч. в 6 тт. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 270—730. [Dilthey, Wilhelm (1922) Einleitung in die Geisteswissenschaften v.1. 1883, 1906. (Russian Translation 2000)].

Мунье 1999 — *Мунье Э.* Персонализм // Мунье Э. Манифест персонализма М.: Республика. 1999. С. 459–538 [Mounier, Emmanuelle (1946) *Le Personnalisme* (Russian Translation 1999)].

Ницше 1992 — *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. // Ницше Ф. Сочинения в 2-х тт. Т.2. М. Мысль 1996. С. 238–406. [Nietzsche, Friedrich W. (1886) *Beyond Good and Evil*. (Russian Translation)].

Розанов 1990 — *Розанов В.В.* Уединенное М. Изд. Политической литературы 1990. [Rozanov (1990) *Solitary* (In Russian)].

Тиллих 1995 — *Тиллих П.* Динамика веры // Тиллих П. Избранное. Философия культуры. М.: Юрист. 1995. С. 132–2015. [Tillich, Paul (1957) *The Dynamics of Faith* (Russian Translation 1995)].

Ясперс 1991 — *Ясперс К.* Философская вера // Смысл и назначение истории М.: Политиздат, 1991. С. 420–508 [Jaspers, Karl T. (1948) *Der Philosophische Glaube* (Russian Translation 1991)].

Ссылки — References in Russian

Бахтин 1994 — *Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. Киев: “Next”, 1994.

Голосовкер 2010 — *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010.

Дугин 2010 — *Дугин А.Г.* Логос и мифос. М.: Академический проект, 2010.

Кривин 1967 — *Кривин Ф.* Преемники // Кривин Ф. Ученые сказки. Ужгород: Изд. Карпаты, 1967.

Эпштейн 1988 — *Эпштейн М.* Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков М.: Советский писатель, 1988.

References

Bakhtin, Michail (1994) To the philosophy of action, Bakhtin M. M. *Works of the 1920 s.*, Next, Kiev (in Russian).

Golosovker, Jakov E. (2010) *The Logic of the Myth*, Center for Humanitarian Initiatives, M.; SPb. (in Russian).

Dugin, Alexandre G. (2010) *Logos and Mythos*, Academic Project, Moscow (in Russian).

Kravin, Felix D. (1967) Successors, *Kravin F. D. Scientists of a fairy tale*, Ed. Carpathians, Uzhgorod (in Russian).

Epstein, Michail (1988) *Paradoxes of Novelty. About Literary Development XIX-XX centuries*, Soviet writer, Moscow (in Russian).

Jaspers, Karl (1991) Philosophical Faith, Jaspers, Karl. *The Meaning and Purpose of History*, Politizdat, Moscow (Russian Translation).

Сведения об авторе

ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА Елена Всеволодовна — доктор философских наук, профессор Южного федерального университета.

Author's information

ZOLOTUHINA-ABOLINA Elena V. — DSc in Philosophy, professor in Southern Federal University, Rostov-on-Don.